

СВЕТЛАНА
НАРВАТОВА

ТРИ ОРЕШКА ДЛЯ
БЫКОВКИ

18+

Магия любви

Светлана Нарватова

Три орешка для Тыковки

«Автор»

2026

Нарватова С.

Три орешка для Тыковки / С. Нарватова — «Автор»,
2026 — (Магия любви)

Чего только ни найдёт в своём лесу ведьма, которая работает травницей!
Травы, коренья, ягоды, грибы, орешки, остывающее тело... Ан нет, тело ещё
не остыло. Подберём. Сложим. Залатаем. Вылечим. Рачительной хозяйке всё
в доме сгодится. А если не сгодится, отнесём обратно. Что значит, оно требует
другого отношения?

Содержание

Глава 1. Майя	5
Глава 2. Майя	9
Глава 3. Яниш	15
Глава 4. Майя	19
Глава 5. Яниш	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Светлана Нарватова

Три орешка для Тыковки

Глава 1. Майя

– ...Неспокойно-то нынче в округе, сударыня Майя. Не страшно одной в лесу? – Мастер Ерик Петровец, городской маг, копался в моих сборах.

Здесь, в городе, у меня была лавка. Хлюпенькая, семь шагов в длину, пять – в ширину. Прилавок, пара шкафов, скамейка для покупателей, крохотная печурка да самовар, чтобы не околеть зимой. А домик мне как травнице полагался за городской стеной.

Я, конечно, о таких тонкостях не подозревала, когда откликнулась на объявление: «В уездном городе N требуется травник. Жильё предоставляется безвозмездно». Честно говоря, даже знай я, что «город» – это сильное преувеличение для поселения в сто дворов, что в лавке запор держится на честном слове, а жильё – покосившаяся избушка с парализованным старичком-предшественником в довесок, – я бы всё равно согласилась.

Я бы куда угодно согласилась, лишь бы подальше от столицы и чтобы было где жить. А если ещё и зарабатывать можно, так и вовсе сказка. Поскольку оказалась я в безвыходном положении.

На самом деле, конечно, безвыходных положений не бывает. Выход есть всегда. Просто он не устраивает. Меня не устраивал точно. Дядя Дамир, который получил надо мной опеку после смерти родителей, сговорил меня замуж. Выгодно сговорил. Ведьм с высоким даром и магической кровью не так много. А ещё и с родовым гримуаром – так и вовсе поискать надо, не факт, что найдёшь... На такой товар купцы в очередь. Поэтому мама с папой и не пытались меня просватать в детстве, как нередко бывает. Хотели, чтобы я сама по сердцу жениха выбрала.

Но так, как они планировали, не получилось.

Родителей загрызли волки.

На похоронах я слышала, как люди говорили, что всё очень подозрительно с этими волками. Да, зима, дорога, и до ближайшего поселения ехать и ехать. Но не так-то просто загрызть сильного мага и обученную ведьму. А ни одного мёртвого волка рядом не нашли. Не иначе как родителей кто-то опоил. Папа работал в Службе магической безопасности и, видимо, кому-то перешёл дорогу.

Вообще, я многое узнала за тот вечер. Почему-то люди считают, что подросток четырнадцати лет ничего не понимает. Особенно если это девочка. Поэтому не стеснялись обсуждать моё будущее у дяди, который был рад наследству и не рад досадному довеску к нему в виде меня. Ещё бы: столько денег, дом в центре столицы, а он – всего лишь распорядитель. Ему самому толком ничего не досталось, лишь содержание на время опеки.

Уже тогда мне стало понятно, что я для дяди как кость в горле, и он сбудет меня с рук, как только я достигну брачного возраста. Главное – чтобы до достижения совершеннолетия. Поскольку по закону несовершеннолетняя жена переходит под опеку мужа, а тот может запросто написать отказ от её наследства. Дядя получит деньги и дом, жених – родовые магические тайны и бесправную жену, будущую мать одарённых детей, которая ему слова поперёк не скажет.

Прекрасная сделка.

Для всех, кроме меня.

Дядя в полной мере оправдал все ожидания. Жениха он мне нашёл из потомственных магов. Анджей был ещё нестарый. Мне к тому моменту исполнилось семнадцать, ему – тридцать два. И на лицо был не уродлив. Просто смотрел на меня так, словно кобылу на рынке покупал. И разговаривал как с нерадивой горничной.

Я готовилась к побегу с тех самых похорон. Чтобы не вызывать подозрений, с дядей в открытую не спорила. Учить меня перестали, хотя я сначала просила. Вот ещё, деньги на учителей тратить! Поэтому я втихомолку читала книги из библиотеки родителей. Откладывала скромные монетки, которые дядя от щедрот отсыпал на «булавки» или на пирожные из пекарни.

Я давно придумала, как бежать, но не знала куда. Это объявление подходило идеально. Дремучее захолустье, вокруг леса и болота до самого горизонта. Ближайший город в двух днях на лошади. Вряд ли девушку, которую все считали ни на что не способной мямлей, будут искать в таком месте. Да ещё и жильё дают. С работой. Просто сказка, а не место.

Чтобы изменить внешность, к магии я прибегать не стала. Во-первых, хороший маг может заметить. Во-вторых, есть вероятность сбой заклинания. В-третьих, мне же так нужно жить и, если повезёт, довольно долго. А заклинания иллюзии нужно постоянно подпитывать. А мне Сила не лишняя. Ярко-рыжие волосы я стянула в пучок и спрятала под траурный чепчик. Голубые глаза скрыла за очками в массивной оправе. Надела поношенное платье и ботинки, которые купила за бесценок у старьевщика. Красками для лица, какие дамы в годах используют, чтобы скрыть возраст, накинула себе пяток лет. Если вдруг меня станут искать, меньше всего подумают на молодую вдову. Тем более что я оставила в «тайнике» письма якобы от любовника. Будут выслеживать пару. Если будут. Насчёт дядюшки я сильно сомневаюсь.

Я заранее списалась с городским магом, поведав ему душещипательную историю о молодой травнице, потерявшей мужа-кормильца. Почти правда, между прочим. Я, конечно, не травница, а ведьма, но травам мама меня учила. И мужа я хоть ещё не обрела, но уже потеряла, очень надеюсь. При личной встрече с магом я была готова всё повторить и даже придумала, как объяснить, почему у меня нет документов. Но он документами даже не поинтересовался. Мастер Ерик устроил формальный экзамен, расспросив о самых элементарных настоях, сразу заключил магический договор на пять лет работы и повёз к моему новому дому...

Вот тут-то меня и ждал сюрприз.

Из столицы мне всё казалось просто и легко. Будущее виделось чистеньким и приятным, как жизнь в родном доме: двухэтажные хоромы, полные слуг; оборудованная лаборатория, шикарная библиотека... На случай, если библиотека окажется не слишком шикарной, я прихватила из родительской самые ценные фолианты. Реальность не имела к моим мечтам никакого отношения. По факту я оказалась один на один с запущенным хозяйством у гарпий на рогах и с лежащим больным на руках.

Сразу стало понятно, почему маг так спешил с договором, который я не смогу разорвать ближайшие пять лет. Ему нужен был кто угодно, лишь бы избавиться от жалоб горожан. Старый травник отошёл от дел за год до моего приезда, за ним самим требовался уход, а ехать в эту глухомань и тащить на своём горбу чужие проблемы никто не спешил.

Сперва я впала в отчаяние. Но то, что казалось самой большой обузой, внезапно стало моим спасением. Дедушка Матей, несмотря на солидный возраст и беспомощное положение, за год дал мне знаний больше, чем все предыдущие учителя, и когда пришёл его час, я горевала, будто снова потеряла родителей.

Я довольно быстро обжилась. Научилась управляться с деревенским скарбом, завела кур и даже козу. Лошадь не завела. Меньше часа пешком от городской стены до дома – не так долго, если вдуматься. Весной и летом ещё и по лесочку пройдешь, чего-нибудь из трав соберёшь. Да и в начале осени тоже. Сейчас уже холодно, деревья почти скинули листву. Зато заметнее

стали древесные грибы, лишайники и вечнозелёные растения. Им тоже найдётся место в моей корзинке.

Зимой только было тяжеловато. Но в метели я сижу дома. Кому срочно нужно – сам приедет. Кому не срочно – ждут, пока доберусь до города в своих снегоступах.

Был в моём уединении ещё один плюс. Из-за жадности дядюшки я недополучила магического образования. Деда Матей был опытным травником, но в магии и ведьмовстве не понимал ничего. Как большинство знахарей, он был одарён, однако заклинаниям не обучен. Пользовался лишь примитивными заговорами да усиливал действие настоев и мазей чистой Силой. Поэтому я занималась сама, по книгам и гримуару. Среди леса можно было экспериментировать сколько душе угодно, никто никаких странностей не заметит. Тихо в лесу. Почти безлюдно. Я уже привыкла, что сама здесь главная хозяйка и самый опасный зверь.

Только с этого лета действительно стало беспокойно. Стали обозы пропадать вместе с возницами. Охотники про зверей страшных, невиданных байки рассказывали. Может, со страху или публику попугать, кто ж знает? Я сама ничего такого не встречала, но на всякий случай несколько неприятных сюрпризов для нападающих от самоучки-ведьмы их поджидало. Наверное, слухи доползли и до мага. Вопрос был закономерен.

– Благодарствую, сударь Ерик, за заботу. – Я улыбнулась, поправляя очки.

Уже давно можно было избавиться от маскировки, но придуманный образ настолько врос в меня, что я, кажется, уже сама начала верить в выдуманного мужа, которого потеряла из-за несчастного случая, и в то, что я родом из ещё большей глубинки.

– Ты если кого-то чужого в окрестностях увидишь, сообщай сразу. Незамедлительно, – наказал маг.

– Ежели кого увижу, как есть сразу сообщу, – пообещала я.

Понятное дело, мне самой неприятности не нужны и безопасность дороже.

Прикупив успокоительного чая, городской маг покинул лавку. В ней сразу стало легче дышать. После визита мастера Ерика я сама от успокоительного чая не отказалась бы.

Но уже дома.

Я никогда не засиживалась в лавке допоздна. Весной-летом – ждёт огород и прочее хозяйство, осенью-зимой – рано темнеет, по ночи в лесу сомнительное удовольствие ходить. Я обслужила ещё пару покупателей, успевших забежать прежде, чем часы на городской башне пробили четыре, и стала собираться. Замок на лавке по-прежнему держался на соплях, никакие настойки от них не помогали. Но без меня в кулёчках-туесочках всё равно никто ничего не разберёт, так что я по этому поводу уже давно не переживала. Проверила перед уходом, что дрова в печурке полностью прогорели, закрыла дверь, повесила табличку, что буду завтра, и потопала к себе.

Мне нравилась осень. Мне все времена года нравились, кроме зимы. Зимой я потеряла родителей. Но пока ещё снег не лёг. Лес казался особенно неживым и прозрачным. Одинокие золотые и багровые листья трепетали флагами на ветру. Пустота была обманчива. Вот по стволу пробежал бурундук. Вон там на ветке хвастается шикарным серым хвостом чёрная белка. Вот тут из-за куста на меня вышел...

...Я даже не сразу поняла кто.

Он напоминал волка, только весь чёрный, шкура на загривке вздыбилась иглами, глаза с алым отблеском, зубищи недружелюбно осцереены... Стоит и рычит. Я так испугалась, что даже корзинку выронила. Забыла со страху все заклинания, застыла столбом, как к земле прибитая.

Чудище постояло, порычало и скрылось в лесной чаще.

И только тогда я вспомнила, откуда оно мне знакомо. Я видела его на картинке в одной из папиных книг. Из дома я забрала в основном книги по ведьмовству, но пару взяла и по защитной магии – как память об отце и вообще на всякий случай. Нужно будет почитать, что за зверь такой покусился на мою территорию и как с ним бороться.

Очень вовремя мастер Ерик у меня про лесные встречи спросил. Обязательно завтра поделюсь.

Если жива буду.

Я подобрала корзинку, вложила в неё выпавший мешочек с купленной крупой и на нетвёрдых ногах, с трясущимися поджилками поспешила домой, пока не стемнело. Романтика осеннего леса растаяла как первый снег, до которого осталось совсем немного, неделя-другая. Я продолжала смотреть по сторонам, но уже с другим настроением: а не ждут ли меня там, за деревьями, крупные неприятности? Такие, в половину человеческого роста в холке?

И тут мой взгляд зацепился за веточку орешника. Все приличные орехи давно опали, и только эти три вызывающе висели и завлекательно поблескивали глянцевыми коричневыми бочками. Я огляделась. Чудищ вокруг видно не было, а орешки – вот они, только руку протяни.

Ну я, дура, и протянула. Подошла, протянула, посмотрела вниз... и увидела, что я тут не одна.

Глава 2.Майя

Под орешником, припорошенное опавшей листвой, лежало тело. Грязное тело в одном нижнем белье. Тоже грязном. Грязные волосы лежали на грязном лице, которое к тому же было избитым и опухшим. Но живым. Синюшным и, несмотря на все предпосылки, не окоченевшим. В летальном смысле этого слова. Я приложила пальцы к сонной артерии и облегчённо выдохнула, потому что поначалу не нащупала пульс. Но он был. Сознания не было, а пульс был.

Тело принадлежало мужчине. Высокому и крепкому. Мне с трудом удалось перевернуть тело с бока на спину. Локти, колени и живот его были испачканы сильнее, чем остальная одежда, если так можно назвать нижнюю рубаху и подштанники. Я посмотрела вглубь леса. Среди пожухлой травы, из которой торчал частокол опавших листьев, можно было заметить борозду, пропаханную телом.

Бегло его осмотрев, я поняла, откуда взялся такой способ передвижения. Голени обеих ног были переломаны. Судя по обильным кровоподтёкам на опухших, деформированных ладонях, пальцы тоже.

Я невольно восхитилась: какая воля к жизни! В таком убитом состоянии суметь выбраться к дороге, если пути к моему домику можно было так польстить.

Мне следовало вернуться в город и доложить о находке страже. Но до города топать было гораздо дольше, чем до дома. Солнце угрожающе скатилось за кроны деревьев. Как его потом искать в темноте?

И неизвестно, что с ним сделают стражи. Конечно, закон у нас в государстве справедливый. Просто иногда сильно не сразу. Тело может не дожить.

Я обязана дать ему шанс.

Очевидно, что на руках я его не дотащу. Впервые я пожалела, что так и не обзавелась лошастью. Мой доход пока не слишком к тому располагал. Но в хозяйстве имелась тачка! В общем, я решила: если к тому моменту, когда я вернусь, тело будет ещё живо, буду спасать. А если уже нет – ну на нет и суда нет. Я же не волшебница. Хотя немного ведьма и самую малость магичка.

Я поспешила к себе. Там было тепло: протопленная с утра избушка всё ещё его хранила. Снова выползать на холод не хотелось. Из быстро темнеющего леса веяло опасностью и грядущими неприятностями. Но я пообещала, пусть даже себе. Загрузила в тачку старенькую рогожку из сарая, потёртый тулуп, оставшийся от деда Матея и служивший подстилкой на полатах, и потащилась во тьму, костеря себя за бесхребетность. Ведь наверняка какой-то разбойник. Он всё равно не жилец, после того как столько времени провёл на холодной земле. Мне что, больше всех надо?

Я ворчала себе под нос, но толкала тачку.

Хотелось бы, чтобы тело куда-нибудь пропало. Само собой. Но оно не пожелало облегчить мне жизнь и лежало ровно там, где я его оставила. Более того, пульс всё ещё прощупывался. Я с этим телом ещё даже не знакома, но оно уже раздражало меня своим упрямством.

С большим трудом мне удалось перевалить его с земли в тележку. Для этого я уложила её боком и просто закатила в неё туловище. Ноги так и остались торчать, когда я всё же подняла её на колёса. Ещё немного усилий, и мужчина практически сидел. Скрючившись и болтаясь на кочках, но вполне транспортабельно. Чтобы неповадно было людей с пути истинного сбивать, я наломала веток ему под спину прямо с орешника. Три наглых ореха тоже сорвала и сунула в карман. Потом сгрызу.

Колесо – гениальное изобретение человечества, вот что я вам скажу! Туша, которая весила в пару раз больше меня, была доставлена до моих дверей практически без потерь.

Под тулупом она даже стала отогреваться, судя по приглушённым постанываниям. Благодаря досочке я вкатила мужчину по ступенькам на крыльцо, завезла в дом и сгрузила на старую циновку, брошенную у печки. Разожгла огонь, поставила греть воду в чугунках и занялась осмотром.

Лицо незнакомца представляло собой сплошное месиво. Вокруг глаз налились красно-фиолетовые лепёхи с сеточками лопнувших сосудов. Как он этими глазами мог что-то видеть – он же куда-то полз? – оставалось загадкой. Особый шарм добавлял асимметричный отёк левой скулы. Надеюсь, что это не перелом. Во всяком случае, зубы стояли ровненьким рядом. Крепкие зубы. В хозяина.

Тот, кто его приглубил, однозначно был правой.

И садистом.

Или просто отчаянно его ненавидел. Не знаю, что нужно сделать, чтобы тебя так ненавидели. Я была искренне рада, что мужчина оставался без чувств. Не знаю, как бы я вправляла ему пальцы по живому. Меня и так всю трясло, хотя он ничего не чувствовал.

В печке подогрелась вода. Я вынула со дна сундука застиранный комплект, оставшийся от деда Матей, принесла с чердака старые лубки, оторвала кусок ветоши. По очереди обмыла руки, щедро намазала ладони мазью, уложила в лубки, забинтовала. Теперь можно было стягивать рубаху.

Раньше обнажённым мне приходилось видеть тело лишь одного мужчины, но оно было скорее старческим. Когда-то дед Матей был высоким и статным, это было понятно по его одежде. Но к тому времени, когда мы познакомились, в кости он был не столько крепок, сколько хрупок.

А это тело было именно мужским.

Даже в бессознательном состоянии оно внушало опасение. Но при этом, парадоксальным образом, желание дотронуться. Провести рукой по тугим буграм мышц. Просто так, не в целевых целях. На правом боку, груди и плече среди синяков и ссадин белели полосы старых шрамов. Я всё же права. Точно разбойник. Но не тащить же его теперь обратно? Половина работы практически сделана. А на улице холодно, темно, чудища с красными глазами бегают...

Нет, вот если к утру отойдёт – совсем, – тогда отвезу и выброшу.

Я собралась с духом и продолжила своё дело. Обтёрла. Смазала синяки. Прижгла ссадины. Затянула грудь, где был намёк на трещину – или перелом – ребра. Подложила под плечи валик, промыла над лоханью волосы. Волосы были светлыми, но точный оттенок при светильнике да после мытья определить было сложно. Довольно длинные, почти до плеч. То ли телу на них было плевать, и оно давно не стриглось, то ли было щёголем.

Насекомых я не нашла, что радовало. Зато на голове обнаружили шишки. Не те, которые грызут белки. Это вызывало беспокойство. Может оказаться, что оно прямо совсем-совсем тело. Типа овоща, только с мышцами.

Я обсушила волосы полотенцем и обработала лицо. Натянула свежую рубаху. Теперь по пояс сверху вполне приличный человек, если на руки не смотреть. И в лицо не заглядывать.

На очереди нижняя половина.

Начала я с самого низа. Ступни мужчины были длинными, ровными, ногти аккуратно подстрижены. Всё же он был щёголем. Точнее, пока ещё есть. В отличие от коленей, подошвы были почти чистыми и без ссадин. Очевидно, разували его уже после того, как переломали ноги. Надеюсь, он тогда был без сознания. Очень сильно сомневаюсь, что голенища сапог деликатно разрезали. Скорее, просто сдёргивали. Зато переломы обошлись без смещения. Возможно, тогда их и вправили. Невзначай.

Голени я уложила в лубки. Немного помедлила, перед тем как стягивать штаны. Нет, ну а что? Мне всё равно ему судно подставлять, подмывать... Даже если он будет справлять нужду в портки, всё равно раздевать придётся.

Я с решительным видом развязала на них верёвочки и спустила.

Мужской инструмент у тела рос из густых золотистых зарослей и был куда внушительней, чем у деда Матей. Старый травник быстро разгадал мою ложь про вдовство и, совершенно не смущаясь, будто рассказывал, как готовить микстуру от кашля, поведал, откуда появляются дети и что для этого нужно пить. И что нужно пить, чтобы дети не появлялись.

Так что в теории я была подкована.

С практикой были проблемы...

Я так деду Матейю и сказала: не хочу, чтобы в меня палкой тыкали, даже если она кожаная и без костей. А он на это только посмеивался:

– Зарекалась, – говорит, – баба...

– Что, – говорю, – зарекалась?

А он:

– Это тебе муж расскажет!

Мне очень не хватало деда. Сейчас я с ним посоветовалась бы, что делать, вместо того чтобы пялиться на всякие непотребства.

Я осторожно, стараясь лишний раз не тревожить травмы, стянула штаны с ног. Обтёрла тёплой тряпочкой. Инструмент на это увеличился в размерах. Смотри-ка! Сам почти мёртвый, а размножалник шевелится! Потом осторожно натянула на найдёныша дедовы подштанники.

Закончив с ранами, я влила разбойнику в рот общеукрепляющий настой и накрыла тулупом. Что я могла сделать – сделала. Остальное его забота. Бросила его бельё в ту самую лохань, в которой мыла волосы – не пропадать же горячей воде! – и понесла в сени. Замочить. Пока мужчина не пришел в себя, запас белья жизненно необходим.

Он, конечно, может и вообще не прийти.

Но с этой проблемой будем разбираться по мере наступления.

Теперь, когда с найдёнышем было покончено – в хорошем смысле этого слова, – настал черёд хозяйства. Рыжая Зорька, зараза, опять выломала жердь в стойле и, высунув рогатую голову в дыру, с укоризной блеяла в мою сторону. Понятное дело, еда не по расписанию всех огорчает. Меня тоже. Я же на неё не блею? Покормила живность и пошла в сени.

Пока застирывала подштанники, заметила, что сшиты они из дорогой ткани. Сама когда-то из такой носила, пока жила дома. Ничего так нынче разбойнички шикуют!

Стараясь не думать, откуда у мужчины эти вещи, я вернулась в комнату.

Тело заёрзало под тулупом, пытаюсь свернуться. Подошла ближе, но уже на подступах поняла, в чём дело. Мужчина стучал зубами. Теперь, когда организм оказался в тепле, он мог себе позволить разогнать жар. Сейчас его потрясёт-потрясёт и как ударит лихорадкой...

Я заварила потогонный сбор, приглядывая травки от кашля. Если до утра дотянет, как пить дать махровая простуда вылезет. Почки, опять же, если не отбили, то отморозил. Я добавила ещё пару травок в заварник. Одни убытки от мужика в доме, что бы ни говорил дед Матей.

Вскоре тело начало буянить. В смысле, скинуло тулуп, стало стонать, крутиться и отказываться пить настой. Потом принялось бредить. Бормотало что-то невнятное. Разобрала я только «мама» и «нет», но насчёт первого не уверена.

Тут я поняла свою ошибку. Его нужно было сразу грузить на полати. На полу хоть и было удобнее с ним возиться, но всё ж не лето на дворе. Понизу изрядно тянуло холодом, и циновка особо не спасала.

Я вздохнула и снова попёрлась на улицу, за досками. Уложила горкой, застелила тканью, обмотала разбойника крепкой веревкой в подмышках прямо с циновкой и потянула, как на

салазках. Уложила ближе к печи, сама устроилась рядом, время от времени просыпаясь, чтобы дать отвар, обтереть или сменить под телом бельё. Так на него пелёнок не напасёшься! К утру жар наконец удалось сбить, и мужчина просто уснул.

Или не просто. Но, во всяком случае, он перестал вскидывать свои лубочные конечности, хрипеть и бредить. Я пощупала пульс. Пульс был хороший. Крепкий.

Как я и предполагала, этот упрямый тип намеревался выжить.

Я зевнула. За окном было светло, хоть и свежо. Я затопила печь, надела холодайку, выгнала живность размяться, вычистила хлев, подоила козу. Попоила тело свежим молоком. Себе запекла омлет, подмешав в него муки для сытности. Заварила бодрящий чай. Прихлёбывая из кружки, открыла папину книгу. По-хорошему нужно рассказать городскому магу о вчерашней встрече с чудищем. И поскольку он совершенно точно никакой информацией делиться не будет, неплохо бы самой понять, что это за зверь.

Я листала страницы, пока не натолкнулась на знакомую картинку. Зверушка на рисунке была не совсем один в один, но вполне узнаваема по шерстеиглам на загривке. В описании говорилось про алый огонь в глазах, так что последние сомнения развеялись. Нечисть называлась «сумеречный черногрязь» по прозвищу «мажья погибель». Как и все чернокнижные создания, черногрязя создавали не для красоты, что и было заметно невооружённым взглядом, а для тёмных дел. В его случае – для нападений на магов, о чём и говорило прозвище. В книге говорилось, что грызи чувствуют использование Силы и нападают на одарённых. Воздействовать на них боевыми заклинаниями бесполезно, потому что чудища впитывают магию, становясь от неё только сильнее.

Вот тут мне стало страшно.

И я была очень рада тому, что такая трусиха.

Прояви я вчера чуть больше смелости и собранности, некому было бы спасти тело, которое, кстати, предсказуемо начало кашлять. Я подошла, потрогала лоб. Лоб был горячий, жар был, но пока не сильный. Он однозначно поднимется. Чуть позже. И ночь мне предстоит не легче, чем сегодняшняя. Если не хуже.

Эта мысль натолкнула меня сразу на несколько других. Первая: про грызя нужно рассказать. Он действительно опасен. Если бы я сдуру как-нибудь нечисть спровоцировала, это выдало бы во мне мажью кровь. Но наша встреча обошлась без жертв, поэтому не даст городскому магу лишней обо мне информации.

Вторая мысль: рассказ станет прекрасным аргументом в пользу того, чтобы какое-то время уходить из города пораньше. Пока к найдёнышу не вернулось сознание, я буду с ним выматываться до капли, и лишнее время дома мне не повредит.

Третья: у меня же появилась прекрасная возможность потренироваться в ведьмовстве на живом (пока ещё) человеке! Использование тела в качестве экспериментального образца будем считать оплатой за спасение. Уверена, если бы разбойник сейчас хоть что-то понимал, он бы сам согласился.

Ему же может стать лучше.

Чисто гипотетически.

У каждого ведьмовского рода была своя специализация, так сказать. В этом было отличие между магией и ведьмачеством. Магия была открыта и доступна в плане обучения, и при использовании одного и того же заклинания у любого мага получится один и тот же результат. С поправкой на опыт и уровень одарённости. Магия – это наука, и ей обучали всех одарённых желающих.

А ведьмачество было сродни искусству. Мало того что на результат влияла личность мага, так и сами заклинания были семейной реликвией и передавались из поколения в поколе-

ние только кровным родственникам. Мне повезло: наш род всегда был связан с целительными практиками. И в этом смысле у меня теперь на полатах лежит поле непаханое.

Я вынула со дна сундука родовой гримуар и уколола палец иглой: книга открывалась только на родовую кровь. Открыла на случайной странице и попала прямоком на заживляющее заклинание. Я сосредоточилась и начала.

Кажется, у меня неплохо получилось! По крайней мере, я очень старалась. Когда заклинание подошло к концу, я чувствовала себя будто дважды сходила от дома до лавки и обратно, причём с мешком картошки на плечах. А ведь ещё только утро!

Я проверила у пациента жар и, честно говоря, особой разницы не заметила.

Во всяком случае, хуже не стало, что уже радует.

Я оделась и отправилась в город. Как и планировала, начала с визита к мастеру Ерику и поведала ему о встрече с чудищем невиданным. Тот расспросил, кого я видела, где и что эта тварь делала. Я не стала признаваться, что грызь на меня рычал. Вдруг маг сделает ненужные выводы? Сказала, что видела мельком в лесочке. Он переспросил, точно ли это был не волк. Я ответила, что, может, и волк, мне со страху могло и причудиться чего лишнего. Но я всё равно буду пока уходить пораньше. При большом желании поест волк тоже загрызёт и глазом не моргнёт. А мастеру Ерику потом нового травника искать.

Последний аргумент произвёл неожиданный эффект: маг сказал, что выделит мне стражника в провожатые. Что я, дурочка, что ли, от стражника отказываться? Но сказала, что всё равно буду уходить раньше. А если чудище или волк, кто его разберёт, был не один? Стражников-то, наверное, в городской страже тоже не бесконечно. Опять же, ещё неизвестно, будет ли этот стражник вообще.

На табличке я написала новый временный график работы. Подрёмывая в промежутках между покупателями, которые, как назло, пёрли как никогда, осень на дворе, я доработала до двух. Дошла до городских ворот, и там оказалось, что стражник всё же будет. Мне достался долговязый гнусавый мужик, который всю дорогу шмыгал носом и рассказывал, какой он о-го-го у своей супруги. У калитки моего дома он наконец разродился главным:

– Сударыдя Байя, божет, чайкоб побалуебся? – прогундосил он и подмигнул.

Каплями в нос ему нужно баловаться, а не чайком!

– Сударь Томаш, я бы с удовольствием, – поделилась я доверительным тоном, – но должна признаться: место это уж больно проклятое. Кто тут чайку попьёт, так непременно всякий интерес до женского полу теряет.

– Ко всему женскому полу, кроме вас? – понимающе покивал он головой.

– Ко всему женскому полу вообще, – зловеще припечатала я.

– Ну так можно без чая, – намекнул настойчивый Томаш, снова шмыгнув, и качнул головой в сторону дома. Дескать, ну давай по-быстрому, меня жена дома ждёт. Хватай такое добро сопливое, пока дают.

– Да, сударь Томаш, лучше без чая. – Я развернула его лицом к городу и легонько толкнула в спину.

У меня своих сопливых целые полати. Если они живые. То есть он. А если не живой, то стражник уж совсем некстати будет.

Сударь Томаш, что-то бормоча под нос о неблагодарных бабах, поплёлся восвояси. Придёт ко мне за каплями от насморка – добавлю туда слабительного.

И магу пожалуюсь.

Ишь ты, сокровище какое! Не удивлюсь, если при такой страсти к чаепитиям у него не только из носа, но и из тилимбоньки капает. Про эту сторону взрослой жизни дед Матей мне тоже рассказывал.

Дома было тепло и шумно. Найдёныш хрипел, как старый ворон на погосте, пыхал жаром сильнее, чем печка, но в себя не пришёл. Ступни отекли, ладони тоже с трудом вмещались в лубки. Вот не было мне печали! Лучше б поросю купила.

Я выпустила живность погулять, раз уж раньше вернулась и солнышко пока греет. Зорька козлила как придурочная. Видать, вошла в охоту. Нужно бы к козлу сводить, а тут этот болезненный... Вернулась в дом и убила на этого неубиваемого целый день до самого вечера. Жар не сбивался, найдёныш снова стал бредить и размахивать руками, кашель усиливался... В общем, я думала, что теперь уж точно конец. Однако когда я утром вернулась после дойки со свежим молоком и полезла на полати поить тело и проверить, живое ли оно, обнаружилось, что оно не только живое, но ещё и разговаривает.

– О, Тыковка! – прохрипел разбойник и зашёлся кашлем. Откашлявшись, он продолжил:
– Взрослых позови.

Глава 3. Яниш

Этот кошмар тянулся бесконечно. Иногда я пробивался сквозь вату беспамятства, но снаружи было так плохо, что я предпочитал проваливаться обратно в беспамятство.

Пришёл в себя я внезапно. В один момент. Будто кто-то по щелчку пальцев зажёл внутри светильник.

Телу было больно. Болело почти всё. Но я совершенно точно был в тепле. И боль была ноющая, а не острая. Значит, выбрался.

Неподалёку слышался девичий голос, напевающий весёлую песенку. Девушка – это хорошо. Девушка в хорошем настроении – ещё лучше. Значит, сейчас я в безопасности.

Я попытался пошевелить пальцами. Ничего не получилось. Меня охватила паника – неужели связан? Нет. Хоть и с трудом, но рука поднялась. Не потому что была зафиксирована, а потому что я совершенно обессилел. Вот это было плохо. Глаза тоже отказывались открываться, но потому что были опухшими и ресницы склеил гной. Я потёр глаза предплечьем и чуть не взвыл от боли. Однако правый глаз удалось продрать.

Первым делом я оглядел руку. Она была аккуратно примотана к лубяной дощечке. Я вспомнил, как мне ломали пальцы. Под грудиной заглодело, а потом запылало огнём ненависти.

Твари.

Найду и порву.

Ладно. Спокойствие. Сейчас я в тепле. Судя по тому, что я видел, в крестьянской избе. Прямо возле печи. Грудь прорвало глухим кашлем. Заныло ребро. Горло резануло. Чувствуется, кашлял я уже давно и с душой. Ну так неизвестно, сколько я пролежал на стылой земле. Вообще чудо, просто чудо, что я всё ещё жив. А руки в лубках и кашель во всю грудь – так это временно.

Только смерть навсегда, а всё остальное лечится.

Я проверил магический резерв. Что-то хлюпало на самом дне. Я выложился до последней капли, и, видимо, всё, что натекало, шло на восстановление организма. Хорошо, что меня подобрали какие-то крестьяне. Вряд ли меня будут искать в таком месте. Пока я совершенно не способен за себя постоять.

Шторка, отделявшая моё укрытие от внешнего мира, распахнулась, и открытый глаз ослепило. Судя по высоте солнца, за окном было ясное утро. На полати взбиралась изящная, совсем юная девушка. Её волосы сияли как огнём яркой, тыквенной рыжиной. Личико было круглое, про какие говорят «сердечком». Голубые глазки. Аккуратный носик. Сочные губки. Ночная грёза одинокого мужчины. У меня даже сначала мелькнула мысль, что я брежу, но девушка довольно бесцеремонно сдвинула мою ногу. Значит, не чудится.

– О, Тыковка! – заговорил я, но голос не слушался. В горле запершило, я закашлялся и только потом продолжил: – Взрослых позови.

– Кого «взрослых»? – уточнила она. Именно она напевала песенку. Я узнал голос.

– Кого угодно.

– Стражу могу позвать, – доброжелательно предложила Тыковка.

– Зачем сразу стражу? – удивился и снова закашлялся. – Я же ничего плохого не делал.

В целом стража меня не пугала. Но хотелось бы подольше не попадаться на глаза чужим людям. Хотя бы пока я не вернусь в нормальное состояние.

– В вашем состоянии, сударь, сложно сделать что-то плохое. Вообще что-то сделать сложно, – заявила пигалица, потом ненадолго исчезла, вернулась с чашкой и ветошью и осто-

рожно промыла мне глаза. Теперь, когда второй тоже открылся, я успокоился: оба уцелели. Руки-ноги не целы, но на месте, глаза-зубы сохранил – почитай, можно жить дальше.

– Я не женат, – многообещающе возразил я на обращение «сударь».

– Ну ничего, ничего, – неожиданно стала утешать меня девушка. – Когда-нибудь и вы найдёте себе кого-нибудь. Женщины – они существа сердобольные. Давайте-ка молочка попьём.

Она помогла мне приподняться на локти и поднесла кружку ко рту. Я чуть не выплюнул эту гадость. На вид это было молоко, но с очень специфическим вкусом и запахом.

– Что это за гадость?

– Ну здрасьте... Не хотите козьего молока? – поинтересовалась она, и я помотал головой.

– И правильно, – поддержала Тыковка, но в её тоне мне почудился подвох. – Тушу-то вон какую себе откормили. Вас ни поднять, ни повернуть. Так что одобряю.

И она с кружкой полезла вниз, на пол. Подозреваю, не для того, чтобы готовить мне деликатесы.

– Барышня! – окликнул я, и желудок поддержал меня бурчанием.

– Я не барышня, я сударыня, – вредным тоном одёрнула девушка.

– А муж где?

– Нету больше мужа. Капризничал слишком много.

И ушла.

Да уж, мал клоп, да вонюч. А с виду вся такая одуванчик-одуванчик. Хотелось бы пообщаться с кем-то более адекватным, чем взбалмошная девчонка.

– Сударыня, – позвал я. – Я хотел поблагодарить того, кто меня спас.

– Благодарите, коли хотите. Дело нужное.

– А вы его позовите, пожалуйста.

– Сударыня Майя! Вас тут найдёныш зовёт! – крикнула девица.

Я облегчённо выдохнул. Конечно, лучше бы мужчина. Но с нормальной женщиной тоже можно договориться.

– Что ему надо? – ответил всё тот же голос, только недовольно.

– Не знаю, – снова заговорила пигалица. – Говорит, хочет поблагодарить. Но я сомневаюсь. Какой-то он странный. Может, его слишком головой приложили?..

– Ладно, ладно, я понял. Не позовёшь, – смирился я.

– Точно, приложили, – проигнорировала мои слова девица. – Хотя, возможно, он и раньше сообразительностью не блистал.

Голос приближался. Вот и хорошо. Поиграли, поиграли и достаточно!

И тут ко мне за штормку заглянула вдова. Я даже вздрогнул от неожиданности. По степени уродства чёрный вдовий чепчик на её голове мог сравниться только с её же дешёвыми очками в толстой оправе. Практически безбровое лицо покрывал ровный слой сероватых белил.

– Я уйду в город, в лавку. Вернусь через несколько часов, – заговорила вдова голосом давешней Тыковки. – Судно вот. – Она выставила на полати плоскую посудину. – Только постарайтесь управиться со своим инструментом так, чтобы оно внутрь лилось, а не – пш-ш-ш! – вдовья версия Тыковки изобразила рукой высокую дугу, – фонтанчиком на рубаху. Я, конечно, переодену. Но только когда вернусь.

И двинулась к выходу.

Я смущенно кхекнул, осознав, на что девица, которая уже сударыня, намекает. Ну а что, с другой стороны?.. Молодой мужской организм почуял близости женскую руку. Когда её обладательница себя настолько не уродует, она вполне так...

– ...А как же поесть, сударыня Майя? – опомнился я. Обладательница-то уходит!

– Тогда и поесть дам, – пообещала она и закрыла дверь. Снаружи.

Я не поверил, что она уйдёт. Подразнит, позлит и вернётся. Может, придумает, что что-то забыла. Все девушки так делают – цену набивают.

Но время шло, чувство голода крепло, хозяйка не возвращалась.

Оставалось признать невероятное: она действительно ушла в город, не покормив меня.

Вот же какая каменюка бессердечная!

В доме было тихо.

– Эй, есть кто живой? – на всякий случай крикнул я.

Никто не ответил.

Я перевернулся на живот, поднялся на локти и колени. Они всё ещё ныли, – понятное дело, столько на них отпахать! Но в целом я был способен передвигаться. И довольно споро, если ненадолго забыть про слабость.

На четырёх точках опоры я доковылял до края полатей и открыл шторку.

Что сказать...

Избушка была крохотная. Даже моих сегодняшних сил было достаточно, чтобы обползти её целиком. Бабий угол перед печью со столом и лавками был отделён от клетушки, которая просматривалась в открытый дверной проём. По стенам висели пучки трав. Пахло сеном и лекарствами.

На краю стола у полатей стояла уже знакомая мне кружка. Возможно, с тем же гадким молоком. И рядом плетённая из лозы корзинка, накрытая тряпицей. Могу поспорить, там был хлеб. От одной мысли о хлебе, любом, пусть даже чёрном, рот наполнился слюной. Если Тыковка предлагала мне молока, то предполагается, что я его могу выпить сам, правильно? Ну и кусочек хлебца она мне простит, думаю. Тем более я ей потом все расходы возмещу.

Я снова развернулся, на этот раз спиной вперёд, и осторожно спустился коленями на ступеньку полати, а потом и на пол. На полу было чисто. Я на коленях дошёл до стола. Наклонился к кружке – она оказалась на уровне груди. Пересилил себя и сделал глоток.

Не, ну пить можно.

Я глотнул ещё. Оказалось, что мучил меня не только голод, но и жажда. Но голод тоже. Со второй попытки мне удалось поддеть тряпицу на корзинке. Да, там обнаружился хлеб. Один ломоть был отрезан.

Хлебушек был серый и вчерашний, но никогда ещё я не ел ничего вкуснее. Держать его двумя лопатами, в которые превратились мои руки, было проблематично. Но когда очень хочется, возможно всё. Жевать я пока не мог, хлеб пришлось рассасывать в молоке, но это такие мелочи...

Под конец трапезы молоко уже казалось вполне терпимым, пол, на котором я стоял коленями, не очень-то и твёрдым, а Тыковка не такой бессердечной. Всего лишь злопамятной.

А я вот не такой!

Мне записать куда-то нужно, а то забуду.

Я бросил взгляд в соседнюю комнатку. Она была отделена от передней части избы с одной стороны дощатым простенком, с другой – стеной печи, которая поднималась до самого потолка. В узкой клетушке, освещенной единственным окном, тоже висели травы и стоял большой стол со ступками, пестиками, спиртовкой, бутылками... В общем, обычное рабочее место травника.

Осталось дожидаться приснопамятного супруга сударыни Тыковки, которая оказалась не только злопамятной, но ещё и врушкой. Но всё это совсем не огорчало. Чувство сытости примирило меня с чужими недостатками и странностями.

Только зачем ей нужен этот уродский маскарад? И как к нему относится супруг Тыковки? Вот я бы не порадовался, если бы по мне при жизни носили вдовий наряд.

Впрочем, какая мне разница?

Я забрался на полати, вытянулся по диагонали, укрылся и отдался блаженству. Как, оказывается, мало нужно человеку для счастья. Протопленная изба.

Кружка молока.

Ломоть хлеба.

Чистая одежда.

Жизнь.

В груди растекалось тепло, в котором таяли боль и тревога. Оно заполняло тело приятной тяжестью. Только теперь я понял, как устал от такого, казалось бы, пустякового путешествия в пару десятков шагов. На фоне внутреннего тепла стала особенно заметна разница в температуре: снаружи и внутри. Видимо, домик быстро выстывает. Сквозь дрему я свернулся под старым тулупом и погрузился ещё глубже: сначала в сон, потом в беспмятство.

Глава 4. Майя

То, что тело пришло в себя и проявляло признаки разумности, с одной стороны, радовало. С другой стороны – создавало проблемы. У меня был довольно ограниченный опыт сосуществования с чужими людьми в одном пространстве. Родители были не чужими. С дядей Дамиром мы фактически не пересекались, а в случаях, когда нам вынужденно приходилось общаться, я подчинялась. Моё мнение его не интересовало. В случае с дедом Матеем ситуация была почти обратной. Он во всём зависел от меня. И хотя я этим не злоупотребляла, всё же чувствовала себя в доме главной.

Совсем другое дело – огромный чужой мужчина, который чего-то хочет. А чего-то не хочет. Пока найдёныш бессловесно лежал, он ничем не отличался от стола. Или скамейки. С той разницей, что скамейка и стол не кашляют. А в остальном – делай что хочешь. Теперь, когда мужчина пришёл в себя, мне придётся подстраиваться под его хотелки.

Либо сразу показать, чьи желания в приоритете: мои.

Хотя это будет непросто в силу разницы в весе и возрасте. Это его «Взрослых позови» очень показательно. То есть со мной говорить не о чем, поскольку я недостаточно взрослая. Теперь придётся тратить силы на доказательства.

Ну вот что мне дома спокойно не сиделось? Лежал себе человек под кустом – и пусть бы дальше лежал. Полз, полз по своим делам. Думает: дай отдохну. И прилёт. Это он пока не до конца очухался. И глаза продрал всего на четверть. Не ровён час, ещё претензии выставит, что я его к себе приволокла.

Привычная дорога всегда коротка, и я сама не заметила, как дошла до города. В лавке было зябко. Я развела огонь в печурке и грела руки, глядя, как пламя охватывает дрова. Решительно и неотвратимо. Не это ли сейчас происходит с моей жизнью?

Надо от него избавляться, пока не поздно. Подлечу ещё немного и сдам страже под белые рученьки. Пусть им указывает, чем его кормить.

Я, конечно, оставила на столе еду. Раз он смог с переломанными конечностями доползти непонятно откуда непонятно куда, то с починенными до стола тем паче доберётся. Если достаточно проголодался. А если недостаточно, то до вечера ещё время есть аппетит нагулять.

Торговля сегодня шла не так бойко, как вчера, хотя, казалось бы, погода на улице такая, что болей – не хочу. Утомлённая бездельем, я дремала, сидя у прилавка, уложив голову на предплечья. Потом махнула рукой и исправила на табличке время работы. Если с утра в очереди к лавке не стояли, значит, ничего экстраординарного в жизни горожан не происходит. По крайней мере, из того, что лечат настойками и порошками.

В городских воротах мне дали другого провожатого. Новый стражник был невысоким, коренастым и неразговорчивым. Возможно, его предшественник поделился с ним трагическим опытом душевных разговоров, а может, по жизни такой. Но для меня идеальный вариант. Мы молча дошли до моей калитки. И никого не встретили. Вот почему когда я со стражником, никаких полутрупов на дороге не валяется? И грызи вокруг не бегают? Даже орехи не растут.

– Ну как, справились? – поинтересовалась я, войдя в дом.

Вместо ответа найдёныш закашлялся. Не хочет отвечать – не надо. До еды он добрался, как я и ожидала, но даже не поблагодарил. Невоспитанное тело я подобрала. Ни тебе спасибо, ни здарсьте, ни до свидания. Я помыла кружку, подложила дров и поставила греться чугунок для обеда. Как я училась готовить в печи, когда сюда приехала, песня была. Я же ни почистить, ни сварить, ни помыть была неспособна. А теперь даже хлеб умею выпекать, спасибо деду Матеею.

Найдёныш продолжать бұхать за шторкой и упорно не желал разговаривать. Кашель его мне не нравился. Он, может, и не хочет со мной общаться, но я ночью спать хочу, а не слушать этот лай. Запарила свежие травки, дала отвару настояться-подостыть и полезла на полати.

Там я поняла, почему разбойник не отвечал. Он снова впал в беспамятство и весь пылал жаром. Приложила к его груди ухо. Внутри всё скрипело, хрипело и булькало. Будто там целый хор хрипельщиков и бульковщиков концерт устроил.

Да что ж такое! Ушла всего на несколько часов, оставила его нормальным, вернулась – опять овощ! Он что, после того как поел, ещё на полу повалился, чтобы холода добрать?

Впрочем, ему и в прошлый раз хватило. Наверное, он просто использовал все свои силы, чтобы добраться до еды, и на борьбу с болезнью уже не осталось.

Ну так не надо было кочевряжиться!

Ещё какое-то время я помучилась чувством вины. Но после того как он своей ручищей попытался отбиться от горького настоя и опрокинул на меня кружку, оно быстро выветрилось. Отстирывай теперь пятна, Майя. Больше-то тебе заняться нечем.

Я ворчала себе под нос, но на самом деле стремительно ухудшающееся состояние мужчины пугало всё сильнее. Будто судьба услышала мои сегодняшние сомнения по поводу совместного житья с непонятными чужаками и решила избавиться от проблем самым кардинальным образом. Он бредил, метался, кашель становился всё продолжительней и забористей. Я уже совсем отчаялась, когда вспомнила про гримуар.

Если с предыдущим заклинанием я просто экспериментировала, то теперь обратилась к помощи рода от безысходности. Я подняла фолиант со дна сундука, где прятала свои книги под ворохом одежды. Погладила. Капнула кровью на корешок. И попросила открыться.

И он открылся. Сам. Страницы шелестели, переворачиваясь, пока не успокоились. На открывшемся развороте располагалось заклинание разделения Силы. Я, честно говоря, рассчитывала на какой-нибудь наговор от лихорадки и теперь пялилась на книгу, не очень понимая её самоуправство. Зачем разбойнику Сила? Что он с нею делать будет?

С другой стороны, гримуар ещё ни разу раньше так себя не вёл... Лежал и лежал обычно, будто рядовая книга.

Я решила поискать другой, более подходящий вариант, но стоило мне убрать пальцы от страниц, как они вернулись в прежнее положение. С третьей попытки я была вынуждена признать: это не случайность. Книжища по степени упрямства не отличалась от моего найдёныша. Я уложила её возле мужчины, задрала рубашку и положила, как полагалось, ладони ему на грудь.

С первым же словом мужчина притих, мышцы его расслабились, лицо смягчилось. Мои руки потяжелели и будто приросли. Я чувствовала себя бочкой, в которой открылся краник, и содержимое потекло из неё пенящейся струёй. Не знаю, куда Сила там попадала, но во мне её уменьшалось. Уменьшалось и уменьшалось, а какого-то волшебного слова, означавшего конец процедуры, в книге не было. Возможно, оно было на следующей странице, но оторвать руки от груди разбойника я не могла. Они как приклеились. Я теряла Силу, и это было страшно.

А потом в один момент всё прекратилось. Гримуар, предатель, захлопнулся. Будто говорил для особо одарённых: закончили. Отдыхай.

Я оторвала руки и прижала к себе. Мои миленькие рученьки, наконец-то мне вас вернули! Но я чувствовала такую слабость, что даже сил сходить убрать книгу не было. Внутри было непривычно пусто. Я с трудом подсунула гримуар под подушку и завалилась спать прямо там, где была. Рядом с разбойником.

– О, Тыковка! Ты откуда здесь взялась? – поинтересовался над моим ухом бодрый мужской голос.

Спросонья я не сразу поняла, кто это и почему он разговаривает с овощами. Потом дошло: найдёныш. А Тыковкой он вчера меня называл. Меня как холодной водой облили, так сразу в голове прояснилось.

Я распахнула глаза и обнаружила жёлто-фиолетовую физиономию почти у самого носа. Шея затекла, и я быстро нашла причину: под нею вольготно устроилась мужская конечность. Ещё одна неучтённая конечность упиралась мне в бедро.

И ведь буквально ночью ещё умирал!

Хотя по ощущениям умирала я. Теперь воскресла, но не до конца. А мне ещё хлев чистить, Зорьку доить, еду готовить, одежду стирать, в город идти...

А эта довольная рожа будет спать-отдыхать!

Ну что за несправедливость?!

– Вас вчера всю ночь спасала, – буркнула я и села.

Сила понемногу возвращалась. Во всяком случае, меня уже не шатало и в глазах не двоилось.

– Хорошо спасала. Можно ещё раз?

Я поняла, за что ему вышибли челюсть. У меня тоже возникло такое желание.

– Нет. Больше – ни за что. Прямо сегодня в стражу сообщу, что нашла в лесу неопознанного мужчину, пусть забирают и дальше спасают сами. Там городской маг под боком. А я в ночные сиделки не нанималась.

– Я нормально себя чувствую, – заявил гадёныш.

– Не благодарите.

Надеюсь, за его поимку мне что-то перепадёт. А если не перепадёт, так хотя бы высыпаться буду.

– Мне действительно ночью плохо было? – не поверило тело.

– Как вам сказать? Думаю, если бы вам было хорошо, вы бы это помнили.

Я стала спускаться с полатей, когда вспомнила об очень неприятном последствии ночных бдений: гримуар остался лежать под подушкой. А это значит, в любой момент может быть обнаружен.

– Но мне действительно гораздо лучше, чем вчера.

– Я старалась.

– А кто вам готовит настои, сударыня Майя?

– Я нам готовлю. Других травников в округе нет.

– А как же ваш муж?

– Объясняла ж уже: нет его. – И сразу, во избежание двусмысленности, добавила: – Больше нет. Вещи эти и дом принадлежали прежнему травнику, теперь – мне. По договору с городом. Ещё вопросы есть?

– А как звали вашего мужа?

Вопрос был неожиданным. Никто раньше не интересовался именем моего несуществующего мужа. Дед Матей – потому что сразу раскусил, а остальным не было до него никакого дела.

– Анджеем звали.

– А я – Яниш.

– Ну это совсем другое дело! – Надеюсь, у него достаточно мозгов, чтобы заметить сарказм.

Похоже, заметил. Потому что какое-то время на полатях было тихо. Я прислушивалась к каждому шороху. Там лежит главное моё сокровище! Как я могла быть такой неосторожной?!

– Сударыня Майя, – заговорил найдёныш Яниш. – Не нужно про меня страже рассказывать.

Вот и добрались до главного.

– А чего же так, кавалер Яниш? Совесть нечиста?

– Совесть моя перед законом чиста, как первый снег на горном озере, – возразил разбойник. – Дело в другом. Понимаете, мне очень неловко в этом признаваться...

– А вы смелее, смелее... Я как раз пока толкну вам запарю. А то не успею, вы опять голодным останетесь до самого прихода стражников, – намекнула я.

– Я, сударыня Майя, сын купца. Из столицы. Ехал с товаром, да решил заглянуть к знакомой вдовушке к вам сюда. А когда обратно отправился, попал на разбойников. Они обобрали, избили и бросили умирать. Как представлю, что батюшка со мною сделает, когда узнает про мои неприятности, так лучше обратно к разбойникам! – поплакался найдёныш. – Он за недельку-другую немного отойдёт и вместо гнева за потерянный товар будет счастлив, что я вообще жив.

Скорее всего, Яниш врал. Я повидала в столице немало купеческих сынков. Но такая гора мышц скорее подошла бы их охранникам. И шрамы выдавали, что «неприятности» у Яниша, если его действительно так звали, были далеко не первыми.

– Так давайте же скорее адресок вашей вдовушки. Я загляну к ней, обрадую, – оживилась я. – Вам гораздо удобнее у неё будет. Веселее. Да и мне выгоднее. Она-то у меня настоячки покупать будет. А я-то пока даром всё на вас расходую.

Назвался сыном купца – расчехляй кошель. Ну и, главное, не хотелось мне, чтобы он здесь оставался. Одно дело, пока тело на судно без помощи сходить не может, и другое – когда на ноги свои переломанные встанет. Тут и придушегубит – недорого возьмёт.

– Я всё оплачу, честное слово! А адрес не могу дать. Женская репутация, сударыня Майя, превыше всего!

Специально заглянула: глаза зелёные в щёлочках искренние-искренние! Эх, жаль, такая возможность мимо. Кстати, отёк лица за два дня прилично спал, но пока смотреть без слёз на этот ужас невозможно.

Вообще, гримуар, воплощённая мудрость моих предков, был прав: разделение Силы пошло найдёнышу на пользу. Кашель стал значительно мягче. Жар прошёл. Впрочем, ещё не вечер. Вчера с утра разбойник тоже был бодреньким. Даже слишком.

Так что главное теперь – хорошенько тело зафиксировать. Мне гримуар нужно забрать, а ему полежать без подвигов, пока моя кровная Сила его организм в порядок приводит. Меня на второй раз не хватит.

Да и не буду я больше с ним делиться.

Хотя внутри всё прибывало.

Я выскочила на минутку в сени: взять кринку молока и заодно прихватить пузырёк со снотворным. Щедро добавила одного и другого в кашку и с душой покормила пациента с ложечки. И только когда Яниш засопел, я выдохнула. Вытащила из-под подушки своё сокровище, прижала к груди. Кто бы знал, что оно, оказывается, такое умное, что само может подсказать нужное заклинание? Цены ему нет!

Я уложила фолиант на место, в сундук, и закрыла на замок.

Вот. Теперь можно спокойно жить дальше.

Глава 5. Яниш

Я проснулся неприлично бодрым во всех частях тела и голодным там же. Утренняя близость молоденькой травницы благотворно повлияла на моё либидо. И хотя физическое состояние пока не очень способствовало собственно близости, желать её мне ничто не мешало.

Хотя с Тыковкой всё было непросто.

Взять хотя бы её слова о том, что вчера мне было плохо. Я ничего подобного не ощущал. Напротив, я не просто чувствовал себя гораздо лучше, – мой резерв был практически полон! С изувеченными руками магичить сложно. Но язык-то меня слушался. В принципе, чтобы ускорить выздоровление, мне даже язык не нужен. Достаточно просто волевым усилием направить магию в поврежденное место. А уж если можно произнести заклинание, так и вообще вылететь на раз-два.

Хотя вчерашний день я совершенно не помнил. Как стёрлось всё после того, как поел.

Может, она в молоко что-то подмешала? Какой-нибудь приворот, например?

Хотя она же травница, а не ведьма. Приворот! Пф! Глупости всякие лезут в голову.

Но всё равно, сударыня эта Майя – барышня подозрительная.

Я прислушался.

В доме было тихо.

Видимо, травница, если она травница, снова ушла в город. Если про город не соврала. Вообще с трудом верилось в предыдущий брак Тыковки. Не в десять же лет её под венец отдали? Когда она успела овдоветь? В первую брачную ночь? И то, что она выполняет подобные обязанности, да ещё и по договору с городом, тоже было сомнительно.

Хотя какой город-огород, такие и травницы.

С другой стороны, мне действительно полегчало. Очень стремительно. Настолько, что организм смог добрать резерв. Учитывая моё изначальное состояние, это просто чудо. Возможно, предшественник сударыни Майи был сильным травником. Среди знахарей встречаются стихийно одарённые. Если она использовала что-то из его снадобий, то эффект объясним.

Чем-то же нужно его объяснить?

Покрутил шейей. С утра мне что-то мешало сбоку. Сейчас там была обычная слежавшаяся подушка. Показалось, наверное.

Живот забурчал, интересуясь, когда нас будут кормить. Я и рад бы ответить, да сам не знаю. На локтях-коленях развернулся, высунул нос за штору. В доме было пусто. И на столе тоже.

Конечно, где-то в доме еда была. Я просто не знал где. Ну и негоже воровать у хозяйки. К сожалению, я пока никак не мог расплатиться с нею за гостеприимство и лечение, не выдав себя. Я был счастлив, что жив. Но слишком много вопросов было к моему спасению. Поэтому оставалось надеяться на Тыковкино милосердие.

Что она придёт и снова меня спасёт. На этот раз – от голодной смерти.

Чтобы скоротать время ожидания, я сосредоточился на диагностике и лечении. Сконцентрировался на резерве, стал его мысленно разогревать и разгонять, чтобы легче было использовать.

И в этот момент я услышал голос.

Точнее, голоса. Один принадлежал Тыковке, другой – какому-то мужчине. Вот и пожаловал таинственный Анджей, которого нет. Или не Анджей. Но в любом случае главное действующее лицо этого дома.

Без меча и перстня сражаться было сложно, без рук – практически невозможно, но я так запросто не сдамся. До меня вдруг дошло: может, Тыковка меня опоила? Я уже не думал про

приворот. Она могла просто опоить снотворным, чтобы я ничего не видел, не слышал и не мешал. Вот почему я ничего и не помню о вчерашнем вечере!

А если сегодня мне просто повезло, что я проснулся?

Разговор за окном прекратился. Я услышал стук шагов по деревянной дорожке.

И сделал вид, что продолжаю спать.

Скрипнула дверь. Сначала с улицы, потом – из сеней. Я напрягся в ожидании.

Тыковка прошла в комнату мимо печи. Я узнал её шаги. То есть я, конечно, не настолько её знал, чтобы быть полностью уверенным, что шаги её, но в том, что это были женские шаги, я был уверен.

Мужчина ждёт за дверью, пока Майя проверит меня?

В комнате скрипнул стул. Или стол. Или сундук. В общем, что-то деревянное скрипнуло. Потом послышался шелест. Она, между прочим, там раздевается. А я вынужден притворяться спящим!

Потом, целую бесконечность спустя, я снова услышал женские шаги. Хозяйка сдвинула заслонку печи, – я ощутил вибрацию. Чем-то пошерудила внутри. Она сейчас, наверное, готовить еду будет. Или не будет...

Еда – это же так чудесно. Так чудесно, что пусть она будет.

Вдохновлённый этой мыслью, забурчал мой живот. Снаружи что-то грохнулось на пол, шторка отдёрнулась, и я подскочил от неожиданности. То есть сел, но очень живо.

– А, это вы, кавалер Яниш... – как-то даже разочарованно заявила Тыковка.

– А вы кого ожидали здесь увидеть, сударыня Майя?

– Никого.

– Я под землю, что ли, должен был провалиться? – возмутился я.

На хорошеньком лице отразилось: «Было бы неплохо», но вслух она произнесла другое:

– Нет, я просто забыла, что вы здесь. Задумалась, а тут шум за шторкой... – Она развела руками.

– По сравнению с тем грохотом, что устроили вы, сударыня Майя, я даже не шумел!

– Конечно, не шумели. Просто напугали.

Я взял себя в руки и промолчал. Я – взрослый, здравомыслящий мужчина. Я не должен вступать в пререкания с юной барышней, даже если она строит из себя сударыню.

– А что за мужской голос я только что слышал? – сменил я тему разговора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.